

13. Macvey Gordon. Novoe ob imaginistach // Pamyatniki kulturi. Novie otkritiya. Plsmennost. Iskusstvo. Archeologiya. Moscow, 2006.
14. Markov V. Russian Imagism: 1919–1927. Wilhelm Schmitz Verlag in Gissen, 1980.
15. Nilsson N. A. The Russian Imaginists. Stockholm Almqvist and Wiksel, 1970.
16. Sinilo G. V. Tanach I mirovaya poesiya. Minsk, Ekonompress, 2009.
17. Suchov V. A. Ocherki o gisni I tvorchestve A. Mariengofa. Penza, 2007.
18. Teliya V. Russkaya fraseologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii I lingvokulturologicheskii aspect. Moscow, Yasiki russkoy kulturi, 1996.
19. Ternova T. A. Fenomen marginalnosti v literature russkogo avangarda: imaginism. Voronecz, Nauka-Yunipress, 2011.
20. Chuttunen T. Imaginist Mariengof: Dendi. Montasz. Ciniki. Moscow, 2007.
21. Chipenko G. G. Chudogestvennaya prosa A. Mariengofa 1920-ch godov. Yugno-Sachalinsk, 2003.
22. Scherschenevich Vadim. Is knigi “2x2=5. Listi imaginista” // Poeti-imaginisti. St-Petersburg, Pb. Pisatel, Moscow, Agraf, 1997.
23. Poeti-imaginisti. St-Petersburg, Pb. Pisatel, Moscow, Agraf, 1997.

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СОЦРЕАЛИЗМ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aulova83@mail.ru.

Статья посвящена интерпретации постмодернизма и социалистического реализма русскими писателями «третьей волны» эмиграции. Постмодернизм рассматривался как антитеза соцреалистического канона, являвшегося официальным и доминировавшим в литературе СССР. Автор подчёркивает, что соцреализм как теория и метод был предметом споров на страницах изданий «третьей волны» русской эмиграции. Многие писатели были категорически не согласны с постулатами как соцреализма, так и постмодернизма.

Ключевые слова: писатели-эмигранты «третьей волны», интерпретация, постмодернизм, литературный андеграунд, соцреализм, соцреалистический канон

POSTMODERNISM AND SOCIALIST REALISM IN THE INTERPRETATION OF RUSSIAN WRITERS THE “THIRD WAVE” OF EMIGRATION

Baybatyrova Nailya M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev St., e-mail: aulova83@mail.ru.

The article is devoted to the interpretation of postmodernism and socialist realism by Russian writers of the «third wave» of emigration. Postmodernism was seen as the antithesis of socialist realist canon, which was the official and dominant in the literature of the USSR. The author emphasizes that socialist realism as a theory and method has been the subject of debate in the pages of publications «the third wave» of the Russian emigration. Several writers have been categorically do not agree with the precepts of both socialist realism and postmodernism.

Keywords: writers-emigrants of the «third wave», interpretation, postmodernism, literary underground, socialist realism, socialist realist canon

Соцреализм и постмодернизм стали предметом споров на страницах изданий «третьей волны» русской эмиграции в 1960–1970-е гг. В СССР официальным методом по-прежнему оставался социалистический реализм, который отвергался писате-

лями русского зарубежья. Его категорически отрицали эмигрировавшие А.И. Солженицын, А.Д. Синявский, высмеивали В.Н. Войнович, В.А. Аksenov, А.А. Генис и П.Л. Вайль. Оказавшись на Западе, представители эмигрантской литературы и публицистики стали писать о нём в прошедшем времени: «Социалистический реализм в этом смысле был двойным симуляком, поскольку он и создавал образ гиперреальности, и сам был её составной частью, – подобно тому, как зеркало входит в интерьер и одновременно удваивает его» [22, с. 57].

Диапазон интерпретаций был довольно широк: от объявления соцреализма симуляком до интерпретации его как модернистского метода. Б. Гройс доказывал, что «соцреализм представляет собой модернизм особого рода. <...> Соцреализм есть, если так можно выразиться, "полуторный стиль": протопостмодернистская техника апроприации продолжает здесь служить модернистскому идеалу исторической исключительности, внутренней чистоты, автономии от всего внешнего и т.д.» [3, с. 109–111]. Согласно замечанию Б. Гройса, «идеологический спор между советизмом и модернизмом есть, таким образом, характерно внутримодернистский спор» [3, с. 111]. Постмодернизм как эстетическое направление чётко исповедовал неприятие всего, что связано с коммунистическим тоталитаризмом, в том числе соцреализма и коллективной морали.

«Полуторный характер» соцреализма поставил его в собственном самосознании в оппозицию по отношению ко всей западной цивилизации: «высокая» модернистская культура являлась для него слишком высокой, то есть элитарной и индивидуалистичной, в то время как «низкая», коммерческая массовая культура казалась ему слишком вульгарной. «Развитой социализм» и соцреализм превратились для писателей и публицистов русского зарубежья в материал, в поле бесконечной концептуалистской и постмодернистской игры, на котором совершался процесс демифологизации и разрушения прежних идеологем, кумиров, штампов и представлений, страхов и обманов.

Постмодернизм – одно из самых заметных явлений в литературе 1980–2000-х гг. – ярко проявил себя и в русском зарубежье. Он развивался в постепенном осознании зависимости от несоветского, т.е. западного, окружения. Его появление связывают с 1960–1970 гг., с «подпольным», авангардным искусством. Русское слово «постмодернизм» воспринималось прежде всего как «после модернизма», «поставангард». Исследователь В. Курицын считает, что «термин "постмодернизм" достаточно неудачен, корректнее говорить о "ситуации постмодернизма" в литературе русского зарубежья» [6].

Внимание к авангарду и поставангарду, едва затронувшее писателей первой и второй волн эмиграции (Б. Поплавский, Н. Моршен, Б. Нарциссов) составляло особенность «третьей волны» литературной диаспоры. Это отчётливо прослеживается в заголовках материалов и именах авторов, публиковавшихся в 1970–1980-е гг. в эмигрантских журналах и альманахах. Экспериментаторский, эстетически прозападный характер носил журнал «Синтаксис» А. Синявского и М. Розановой. Журнал «Стрелец», издававшийся с 1984 г. сначала во Франции, затем в США, печатал авторов, в большинстве своём принадлежавших к поставангарду: поэтов В. Бетаки, Ю. Кублановского, В. Кривулина, Г. Сапгира, прозаиков Ю. Алешковского, Ю. Мамлеева, Ю. Милославского, В. Нарбикову. Журнал «Эхо», выходивший в Париже в 1978–1980 гг., также получил репутацию издания, отдававшего предпочтение авангардистской литературе. От его издателя В. Марамзина, автора сюрреалистической повести «Блондин обеего цвета» и сборника «Тяни-толкай», и находящегося на грани реализма и поставангардизма С. Довлатова до эпатазирующего натуралиста Э. Лимонова и абсурдиста Ю. Мамлеева, почти все авторы журнала не принимали реалистический метод. Поставангардистские тенденции отчётливо прослеживались в журнале «Время и мы» (Тель-Авив – Иерусалим – Париж – Нью-Йорк), выходившем с 1976 г. Большое место отдавал постмодернистам иерусалимский журнал «22». Постмодернизм выдвинул своих критиков и публицистов, возлагавших на себя миссию разъяснения и пропаганды новых эстетических идей. Среди них – М.Н. Эпштейн, Б. Хазанов, Саша

Соколов. Литературной критикой активно занимались А.Д. Синявский и Ю. Даниэль, П. Вайль и А. Генис.

Русский литературный авангардизм и постмодернизм оценивались и интерпретировались в статьях писателей «третьей волны» эмиграции как неофициальная культура интеллигенции. Всё чаще стали звучать понятия «соц-арт», «поп-арт», «концептуализм», «постмодернизм». Центральное отличие постмодернизма русского зарубежья от западного заключалось в том, что русское течение рождалось в андеграунде и заведомо противопоставлялось всему советскому. В конце 1980–1990-х гг. молодая русская эстетическая мысль буквально заболела постмодернизмом, страстно увлекаясь им как теорией. Была попытка калькировать зарубежные теории, но это не стало банальным заимствованием. Появилось целое поколение критиков русского зарубежья, специализирующихся на изучении постмодернизма: А.А. Генис, П.Л. Вайль, М.Н. Эпштейн, Б. Гройс. Резко отрицательно отнёсся к русскому постмодернизму А.И. Солженицын, увидев в нём «опасное антикультурное явление» вроде авангардизма и футуризма. Исследователь В. Курицын замечает: «Пропадает способность отличать "реальность" от "нереальности", – не только у тех, кто сочиняет "роман о романе", но, что более важно, у тех, кто не имеет вредной привычки к эстетической деятельности. Постмодерн последователен: он запутывает не публику и критику, он запутывает повседневность» [6, с. 40]. В условиях эмиграции «документальный» и «художественный» дискурсы в публицистике и журналистике смешиваются.

В литературно-критических статьях о постмодернизме много писал А. Генис. Глубоким религиозным содержанием, по его мнению, наполнен постмодернистский роман В. Сорокина «Сердца четырёх». В нём попирается, расчленяется, насилуется, убивается человеческое тело. Четверо героев, знакомых по соцреалистической схеме, – мальчик-пионер, одноногий старик-ветеран, спортсменка, олимпийская чемпионка по стрельбе, и мужественный бригадир – проходят через все сюжетные пространства соцреалистического романа: производственного, военного, детективного, приключенческого. Они убивают, предают, мучаются, подвергаются пыткам, чуть ли не распятию на пути к достижению цели. А. Генис подчёркивает, что В. Сорокин пишет с явным религиозным интертекстом.

Изучение диапазона интерпретаций соцреализма и постмодернизма писателями русского зарубежья актуально в связи с новой волной интереса к феномену этих направлений в современной литературе.

Соцреализм и постмодернизм в интерпретации А.Д. Синявского. А.Д. Синявский был категорически не согласен с постулатами соцреализма. Он ратовал за «чистое» искусство, выступал против тоталитаризации мышления, языка, художественного творчества. «Раньше других он понял природу советской литературы и наметил маршрут бегства из неё», – пишет А.А. Генис. Статья А.Д. Синявского «Что такое социалистический реализм» появилась в самиздате ещё в 1950–1960-е гг. под псевдонимом «Абрам Терц». А.Д. Синявский, по словам А.А. Гениса, первым обнаружил, что место соцреализма не в журналах и книгах и не на свалке истории, а в музее. А.Д. Синявский пишет: «Что такое социалистический реализм? Что означает это странное, режущее ухо сочетание? Разве бывает реализм социалистическим, капиталистическим, христианским, магометанским? Да и существует ли в природе это иррациональное понятие?» [8, с. 122].

А. Терц (А.Д. Синявский) саркастичен: «Не желая уронить себя перед Западом, мы порой перестаём быть последовательными и начинаем рассуждать о разнообразии индивидуальностей в нашем обществе, о богатстве интересов и, соответственно, – о разнообразии разногласий, конфликтов, противоречий, которые якобы должна отражать литература. Разумеется, мы отличаемся друг от друга возрастными, половыми, национальными и даже умственными особенностями. Но всякому, кто придерживается линии партии, должно быть ясно, что всё это – разнообразие в пределах единообразия, разногласия в рамках единогласия, конфликты в бесконфликтности. У нас одна цель – коммунизм, одна философия – марксизм, одно искусство – социалистический реализм» [8, с. 140]. Анализу А.Д. Синявского подверглись произ-

ведения русской классической литературы, тексты советских писателей, которые оценивались якобы с точки зрения соцреализма. Автор пишет о М. Горьком, В. Маяковском, А. Фадееве, И. Эренбурге, Л. Арагоне и упоминает «других больших и маленьких социалистических реалистов. А.Д. Снявский приоткрывает «некоторые эстетические и психологические предпосылки, необходимые для всякого, кто желает постичь тайну соцреализма».

Он сравнивает названия произведений западной и советской литературы, чтобы убедиться в мажорном тоне последней. С одной стороны – «Путешествие на край ночи» (Селин), «Смерть после полудня», «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Каждый умирает в одиночку» Ремарка, «Смерть героя» Олдингтона, с другой – «Счастье» Павленко, «Первые радости» Федина, «Хорошо!» Маяковского, «Исполнение желаний» Каверина, «Свет над землёй» Бабаевского, «Победители» Багрицкого, «Победитель» Симонова, «Весна в Победе» Грибачёва. «Искусство не боится ни диктатуры, ни строгости, ни репрессий, ни даже консерватизма и штампа. Когда это требуется, искусство бывает узкорелигиозным, тупогосударственным, безындивидуальным, и тем не менее великим», – уверен автор [8, с. 152]. Кризис соцреализма А.Д. Снявский смог предсказать задолго до того, как он стал ощутим в советской литературе.

У истоков русского литературного постмодернизма стояли самые эрудированные писатели послесталинского поколения, боготворящие литературу и искусство. Среди них был А.Д. Снявский. Постмодернизм как художественный метод познания жизни представлялся ему более объективным, точным, глубоким, нежели другие известные методы. В статьях «Литературный процесс в России», «Диссидентство как личный опыт» он опровергал модернистскую концепцию соцреализма, намертво связывающую искусство с жизнью и требующую преобразования мира по художественному проекту. Проследить эволюцию постмодернистского становления творчества А.Д. Снявского смог А.А. Генис. В статье «Андрей Снявский: Эстетика архаического постмодернизма», написанной в 1994 г., он отмечает: «Снявскому близка философия недеяния, пассивной восприимчивости, отказа от самого себя в пользу текста. Это условие погружения в искусство. По этой же причине Снявский – интуитивист. Он меняет напряжение авторской воли на свободный произвол стихов и стихий, отнимает у писателя привычное место в культурной иерархии, отказывает ему в авторстве» [2, с. 28]. Постмодернизм для А.Д. Снявского больше, чем литературный стиль или даже культурная концепция. Это способ жизни писателя как в Советской России, так и в эмиграции.

А.Д. Снявский стремится к раскрепощению литературной критики, сближая её с эссеистикой («Литературный процесс в России», 1974; «Диссидентство как личный опыт», 1989). В «Литературном процессе» он пишет: «Мы дожили, мы сподобились дожить, Господи, до второй литературы!..» [7, с. 125]. Под второй литературой он подразумевает ту, которая не скована рамками соцреализма, наоборот, противопоставлена ей. В статье «Диссидентство как личный опыт» писатель анализирует истоки и черты своей постмодернистской манеры письма, в частности, рассуждает о феномене появления собственного постмодернистского двойника Абрама Терца. А.Д. Снявский подчёркивает: «Писать так, как принято или как велено, мне просто неинтересно. Если бы мне, допустим, предложили описывать обычную жизнь в обычной реалистической манере, я вообще отказался бы от писательства. И поскольку политика и социальное устройство общества – это не моя специальность, то можно сказать в виде шутки, что у меня с Советской властью вышли в основном эстетические разногласия» [7, с. 67]. Он понимает природу писательского творчества как свободу: «Литература по своей природе – это инакомыслие (в широком смысле слова) по отношению к господствующей точке зрения на вещи. Всякий писатель – это инакомыслящий элемент в обществе людей, которые думают одинаково или, во всяком случае, согласованно. Всякий писатель – это отщепенец, это выродок, это не вполне законный на земле человек» [7, с. 68]. Постмодернизм для А.Д. Снявского –

это не только метод, но и определённая степень свободы творчества. «Свобода! Писательство – это свобода», – заключает он в статье [7, с. 68].

А.И. Солженицын о соцреализме и постмодернизме. Будучи политизированным писателем, А.И. Солженицын мыслил себя в оппозиции к официальному советскому искусству. Феномен соцреализма казался ему странным; ещё более странным казалось то, что соцреализм претендовал на развитие традиций реализма XIX в. Борьбе с постулатами соцреализма А.И. Солженицын посвятил не одно произведение. Он обличал его в статьях, осмеивал в романах. Например, в романе «В круге первом» писатель с негодованием восклицает: «Кто тут Горького читает? Да пойдя лучше в клозет, посиди с душой! Вот грамотеи, гуманисты развелись, драть вашу вперегреб» [цит. по: 19]. Эстетика А.И. Солженицына реализмоцентрична, однако социалистический реализм для писателя служил, скорее, антипримером.

Задолго до эмиграции А.И. Солженицын обращался к проблемам осмысления литературных направлений и их приемлемости для собственного творчества, а его художественные произведения уже тогда спорили с общепринятым советским литературным методом. В 1962 г. в советском журнале «Новый мир» была напечатана повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Эта публикация шокировала советскую критику. Известно, что идеологическое кредо соцреализма сосредоточено в понятии положительного героя, всегда являющегося социальным, коллективным продуктом, несовместимым с понятием индивида, отдельной личности. Герой произведения А.И. Солженицына – заключённый. Р.Б. Гуль в статье «А. Солженицын и соцреализм», вышедшей в Нью-Йорке в 1973 г., пишет: «Но мне кажется, что эта повесть заставляет всякого прийти к большим и неожиданным выводам. И самый неожиданный из них тот, что произведение рязанского учителя Александра Солженицына как бы зачёркивает весь соцреализм, т.е. всю советскую литературу. Эта повесть не имеет с ней ничего общего. И в этом её большое литературное (и не только литературное) значение. Повесть Солженицына – как предвестник, как указание пути для русской литературы» [4, с. 81]. Так самобытный лагерный реализм А.И. Солженицына становится в оппозицию соцреалистическому направлению литературы СССР. Это стало основанием для возрастания литературного и идеологического авторитета А.И. Солженицына в русских зарубежных и отечественных диссидентских кругах.

«Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей» было написано 16 мая 1967 г. Одновременно оно распространялось методом самиздата. В письме выдвигалось требование обсудить на съезде каноны соцреализма и сопутствующие ему явления. А.И. Солженицын осуждает «то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры. ... Не предусмотренная Конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем "Главлита" тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных» [15, т. 2 с. 33]. Будучи приверженцем реалистического метода, писатель отвергает его соцреалистическую трансформацию: «Литература не может развиваться в категориях "пропустят – не пропустят", "об этом можно – об этом нельзя"» [15, т. 2, с. 35].

После депортации из России А.И. Солженицын ищет точку идеологической опоры, но найти её на Западе писателю крайне трудно. В публицистических статьях, написанных в эмиграции, в речах и лекциях, произнесённых перед западной аудиторией, он критически осмысляет постмодернизм как западное веяние. В постмодернистской культуре А.И. Солженицын видит черты потребительского общества. В Гарвардской речи, статье «Наши плюралисты», лекции лауреата Темплтоновской премии «За прогресс в развитии религии» он выдвигает идеи самоограничения и религиозные начала.

Размышления на литературные темы входят в мемуарные книги А.И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» [10] и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» [16]. Анализ литературных методов представлен не изолированно от других форм общественной и частной жизни, а в контексте современности. Так, в «Телёнке...» полно освещена трагическая коллизия столкновения государства и литературы.

Наиболее ярко о культуре и искусстве А.И. Солженицын высказался в своей Нобелевской лекции. «Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаём за деньги, угождаем сильным, обращаем то для развлечения – до эстрадных песенок и ночного бара, то – затычкою или палкою, как схватишь, – для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А искусство – не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного внутреннего света. Но охватим ли весь тот свет? Кто осмелится сказать, что определил Искусство? перечислил все стороны его? А может быть уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы не долго могли на том застояться: мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как, всегда спеша сменить хоть и самое лучшее – а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было» [12, с. 25]. Писатель призывает относиться к культуре и искусству как к определённой константе, которую внутри себя задаёт каждый человек в соответствии с его морально-этическими нормами.

В противовес собственному высказыванию о том, что он не любит говорить о литературе и предпочитает «молча читать и впитывать, молча писать своё», А.И. Солженицын не раз критиковал соцреалистический метод как отживший и мёртвый груз тоталитарного государства. Писатель обвинял соцреализм в плоскости и идеологической заикленности. Он предложил альтернативный реализм как противовес сталинской культурной политике 1930–1950-х гг. А.И. Солженицын возложил на себя роль лидера обличительной эмигрантской публицистики. Для неё характерна установка на свидетельскую документальность, щепетильную верность действительности. Вместе с тем, писатель ищет правду в вере: «Атеизму и порождающему им злу А.И. Солженицын противопоставляет веру в Бога, христианские идеалы стали основой его мировоззрения, что позволяет говорить о нём, как о религиозном писателе» [5, с. 31].

Негативно А.И. Солженицыным оцениваются и произведения модернистов и постмодернистов. Вывернув наизнанку шаблоны соцреализма, А.И. Солженицын остался предан принципам не только этической, но и эстетической нормативности, поэтому модернистские воззрения для него ещё более далеки и чужды. Постмодернизм чужд, прежде всего, мировоззрению писателя. А.И. Солженицын называет постмодернизм «безжизненной и натужной игрой на пустотах» [13, с. 5]. Его пугал иконоборческий характер русского и европейского модернизма, но особенно раздражали заявления представителей этого искусства, что они превзошли и потеснили многовековую культурную традицию. В одной язвительной заметке он припечатывает: «В литературе звучало и такое, что отныне её надо начать с чистого листа бумаги. (Иные на этом почти и остановились)» [15, с. 384].

В 1993 г. в «Ответном слове на присуждение литературной награды Американского национального клуба искусств» писатель критически оценивает постмодернистское искусство: «Для постмодерниста мир – не содержит реальных ценностей» [13, с. 3]. По заявлению А.И. Солженицына, оно не имеет никаких идеалов, замыкаясь на самом себе, и свидетельствует о нравственной болезни всего современного общества. Он глубоко убеждён, что на пренебрежении высшими смыслами, на релятивизме понятий и самой культуры ничего достойного не создать. А.И. Солженицын обвинил писателей постмодернистского направления в сознательном разрыве с нравственной традицией классической литературы.

М.Н. Эпштейн о постмодернизме. По-особенному понимает суть изменений в русской литературе второй половины XX в. писатель «третьей волны» эмиграции М.Н. Эпштейн: «авангард, модернизм, структурализм были последними по времени воз-

никновения школами, вырабатывающими некий обособленный художественный и философский язык, "иной" и "более истинный" по отношению к предыдущим» [21, с. 385].

Работы М.Н. Эпштейна, интерпретирующие литературные направления и методы, представлены публикациями в американских и российских изданиях преимущественно перестроечного и постсоветского периодов, а также монографиями. В частности, широко известна книга «Постмодерн в России: литература и теория» [22]. Монография писалась с 1982 по 1998 г. одновременно со становлением самого российского постмодернизма. Она представляет собой разностороннее литературно-теоретическое исследование российского постмодерна, его истоков и основных этапов развития в XX в., а также его культурно-исторических отличий от западного постмодернизма. Первоначально некоторые главы, составляющие книгу «Постмодерн в России», ранее публиковались в виде отдельных статей в журналах «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Золотой век», «Стрелец», «Новое литературное обозрение», «Слово» (Нью-Йорк), в американских англоязычных изданиях. М. Эпштейном выдвигается оригинальная концепция конца Нового времени и соотношения постмодернизма с коммунизмом, модернизмом, экзистенциализмом. «Мне представляется, что сходство постмодернизма и коммунизма как программных методов воздействия на общественное сознание далеко не случайно, они представляют собой в России две фазы становления одного идейно-эстетического проекта. Если коммунизм провозглашал грядущее торжество идей, преобразующих реальность, то постмодернизм обнаруживает уже отсутствие какой-либо другой реальности, кроме реальности самих идей (знаков, образов, наименований)», – заявляет автор [22, с. 55]. В монографии М.Н. Эпштейн рассматривает основные литературные и теоретические программы постмодерна в творчестве А. Синявского, И. Кабакова, Вен. Ерофеева, Т. Кибирова. Анализу подвергнуты и отдельные литературные направления – метареализм, концептуализм, соц-арт, арьергард, – что позволяет более глубоко исследовать феномен российского литературного постмодернизма. Для этой книги М.Н. Эпштейна характерен энциклопедический охват в интерпретации литературных понятий при сохранении излюбленной автором эссеистической формы изложения. Художественное произведение для писателя – прежде всего текст, эстетический феномен, функционирующий по присущим ему законам.

М.Н. Эпштейн рассматривает предпосылки постмодернизма, диалектику перехода от модернизма к постмодернизму, своеобразие российско-советского постмодерна, его взаимоотношения с соцреализмом и соц-артом. Автор русского зарубежья анализирует литературно-художественные движения метареализма, концептуализма, арьергарда, наконец, пишет о постмодернизме как о первой стадии постмодерности. «Пожалуй, со времён социального реализма не возникало "изма", который до такой степени привлёк бы внимание и нормативную установку художественной публики. Появление нового понятия вызвало к жизни множество специально скроенных под него произведений и позволило задним числом осознать ранее созданные произведения как возвещающие его возникновение», – с долей иронии пишет М.Н. Эпштейн [22, с. 54].

М.Н. Эпштейн обращается к историко-географическим факторам возникновения и существования постмодернизма как литературного направления: «Хотя постмодернистские учения пришли в Россию с Запада, главным образом из Франции и США, сама готовность российских умов мгновенно размножить и применить эти учения к родной культуре и сделать их знаменем духовного обновления, говорит о некоторой соприродности постмодернизма российской почве» [22, с. 55].

В статье «Истоки и смысл русского постмодернизма» М.Н. Эпштейн, остроумно пародируя название работы Н. Бердяева, сопоставляет коммунизм и постмодернизм, обыгрывает расхожий идеологический штамп в утверждении: «Россия – родина постмодернизма» [20, с. 166]. «Без опыта постмодернизма литература не могла бы почувствовать вкус жизни, будущего и пройти опыт воскрешения», – пишет он [20, с. 116]. Ряд основополагающих черт, с точки зрения автора, подтверждает близость коммунизма и постмодернизма. Среди них – создание ирреальности, симуляция как

замена реальности лозунгами, планами, плакатами, докладами, то есть превращение жизни в текст. Детерминизм и редукционизм как зависимость от идеологического языка, власть текста над личностью и жизнью, при этом в коммунизме подход классовый, в постмодернизме – знаковый, семантический. Характерны для коммунизма и постмодернизма игра цитатами, симуляция авторства и оригинальности, стирание граней между массовым и элитарным. При всей постмодернистской иронии в статье М.Н. Эпштейна преобладает аналитичность в исследовании адекватности постмодернизма современной эпохе.

Другие представители русского зарубежья второй половины XX в. также имели особое мнение относительно современных им литературных направлений, иногда смело интерпретировали соцреализм и постмодернизм. В одном из интервью Саша Соколов признаётся: «Для меня реализм не существует. Это такая старина. Авангард неенссякаем» [9, с. 66]. В русской эмигрантской газете «Панорама» он рассказывает о своих взглядах на литературу как искусство. Саша Соколов не считает необходимым для писателя быть связанным с какой бы то ни было реальностью, хотя направленность и актуальность нужны современному читателю, только человеческий дух неизменен. Саша Соколов говорит, что большинство читателей вызывает у него депрессию своими невероятно низкими требованиями и вкусами. Он убеждён, что его понимает не более двадцати, может быть, из ста человек. По его мнению, русская литература создаётся на Западе, а читается в Советском Союзе. В статье Б. Хазанова «Мост над эпохой провала», опубликованной в журнале «Страна и мир», подчёркивается, что метод социалистического реализма может функционировать в произведениях любой идеологической направленности. Литературовед Леонид Геллер (Женева) в статье «О постмодернизме, соцреализме, мелких и крупных бесах» размышляет о постмодернизме, русском символизме и советском соцреализме. Он пересказывает идеи книги, написанной по-немецки философом-эмигрантом Борисом Гройсом, где дан анализ сталинского искусства и сталинской эпохи. Автор рассматривает также творчество Федора Сологуба, пытаясь ответить на вопрос, был ли Ф. Сологуб постмодернистом.

Трактовок сущности социалистического реализма и постмодернизма писателей русского зарубежья «третьей волны» эмиграции были предельно политизированы. Писатели-эмигранты постоянно обращались к советской действительности, вели эстетическую борьбу с ней, развенчивали советскую власть. Тоталитарность, авторитарность, идеологически выраженные в канонах соцреализма, в интерпретациях авторов русского зарубежья противопоставлялись свободному творчеству постмодернизма. Социалистический реализм как чуждый авторам-эмигрантам второй половины XX в. метод литературы покинутого Советского Союза оценивался крайне негативно. Соцреализм из государственной идеологии превратился для писателей и публицистов русского зарубежья в материал, в поле бесконечной концептуалистской и постмодернистской игры, на котором совершался процесс демифологизации и разрушения прежних идеологем, кумиров, штампов и представлений, страхов и обманов тоталитарного СССР. Одна из задач поддержки постмодернизма писателями-эмигрантами заключалась в разрушении коммунистическо-тоталитарного менталитета, который был присущ советскому гражданину, а позже преследовал и постсоветского человека. Многие критикуемые элементы соцреалистического канона перекочевали в литературно-критическое и публицистическое творчество писателей «третьей волны» эмиграции. Реализм А.И. Солженицына, В.Е. Максимова, С.Д. Довлатова, П.Л. Вайля и А.А. Гениса во многом лишь идейно отличался от процветавшего в Советском Союзе соцреализма, пользуясь его знаковой системой в новых интертекстах.

Список литературы

1. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе / Г. Газданов // Критика русского зарубежья : в 2 ч. – Москва : Олимп, 2002. – Ч. 2. – С. 272–278.
2. Генис А. Андрей Синявский: Эстетика архаического постмодернизма / А. Генис // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 7.

3. Гройс Б. Полуторный стиль: Социалистический реализм между модернизмом и постмодернизмом / Б. Гройс // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 15.
4. Гуль Р. Б. Солженицын и соцреализм: «Один день Ивана Денисовича» / Р. Б. Гуль // Гуль Р. Б. Одвуконь: советская и эмигрантская литература. – Нью-Йорк, 1973. – С. 80–95.
5. Исаев Г. Г. Русская литература конца 1980-х – первой половины 1990-х годов / Г. Г. Исаев // Современная русская литература (1985–1995): хрестоматия для средней и высшей школы / сост.: В. Н. Гвоздей, М. Ю. Звягина, Г. Г. Исаев и др. – Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ин-та, 1995. – С. 4–61.
6. Курицын В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – Москва: ОГИ, 2000. – 288 с.
7. Сиявский А. Литературный процесс в России: сб. ст. / А. Сиявский. – Москва: РГГУ, 2003. – 418 с.
8. Сиявский А. Что такое социалистический реализм / А. Сиявский // Путешествие на Чёрную речку и другие произведения. – Москва, 1999. – С. 122–168.
9. Соколов Саша: Американцы не могут понять – о чём это можно говорить два часа / Саша Соколов // Юность. – 1989. – № 12. – С. 66.
10. Солженицын А. И. Бодался телёнок с дубом / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1991. – № 6.
11. Солженицын А. И. На возврате дыхания и сознания / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 7. – С. 54–61.
12. Солженицын А. И. Нобелевская лекция / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 7. – С. 411–414.
13. Солженицын А. И. Ответное слово на присуждение литературной награды Американского национального клуба искусств / А. И. Солженицын // Новый мир. – 1993. – № 4. – С. 3–6.
14. Солженицын А. И. Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 9 т. – Т. 7. – С. 63–67.
15. Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. / А. И. Солженицын. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997.
16. Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания / А. Солженицын // Новый мир. – 1998. – № 11.
17. Соцреалистический канон: Сборник статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2000. – 1040 с.
18. Цымбалистенко Н. В. Постмодернизм в литературе русского зарубежья «третьей волны» эмиграции / Н. В. Цымбалистенко // Эйхенбаумовские чтения: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Воронеж, 1996. – С. 63–65.
19. Шохина В. «Один день Ивана Денисовича»: политика и эстетика / В. Шохина // Перемены. Толстый веб-журнал. – Режим доступа: <http://www.peremeny.ru/blog/13119>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма / М. Эпштейн // Звезда. – 1996. – № 8. – С. 166–188.
21. Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков / М. Эпштейн. – Москва: Советский писатель, 1988. – 416 с.
22. Эпштейн М. Постмодерн в России: литература и теория / М. Эпштейн. – Москва: ЛИА Р. Элинина, 2000. – 367 с.

References

1. Gazdanov G. O molodoj jemigrantskoj literature // Kritika russkogo zarubezh'ja: in 2 parts. Moscow, Olimp, 2002, Part 2, pp. 272–278.
2. Genis A. Andrej Sinjavskij: Jestetika arhaicheskogo postmodernizma // Novoe literaturnoe obozrenie, 1994, № 7.
3. Grojs B. Polutornyj stil': Socialisticheskiy realizm mezhdru modernizmom i postmodernizmom // Novoe literaturnoe obozrenie, 1995, № 15.

4. Gul' R.B. Solzhenicyn i socrealizm: «Odin den' Ivana Denisovicha» // Gul' R.B. Odukon': sovetskaja i jemigrantskaja literatura. – N'ju-Jork, 1973. – S.80-95
5. Isaev G.G. Russkaja literatura konca 1980-h – pervoj poloviny 1990-h godov // Sovremennaja russkaja literatura (1985–1995) / V. N. Gvozdej, M. Ju. Zvjagina, G. G. Isaev et al. Astrakhan, Astrakhan State Pedagogical Institute Publ., 1995, pp. 4–61.
6. Kuricyn V. Russkij literaturnyj postmodernizm. Moscow, 2000, 288 p.
7. Sinjavskij A. Literaturnyj process v Rossii. Moscow, 2003, 418 p.
8. Sinjavskij A. Chto takoe socialisticheskij realizm // Puteshestvie na Chernuju rechku i drugie proizvedenija. Moscow, 1999, pp. 122–168.
9. Sokolov Sasha: Amerikancy ne mogut ponjat' – o chem jeto možno govorit' dva chasa // Junost', 1989, № 12, p. 66.
10. Solzhenicyn A. Bodalsja teljonok s dubom // Novyj mir, 1991, № 6.
11. Solzhenicyn A. I. Na vozvrate dyhanija i soznanija // Solzhenicyn A.I. Sobr. soch. Vol. 7, p. 56.
12. Solzhenicyn A. I. Nobelevskaja lekcija // Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij: in 9 vol. Vol. 7, p. 25.
13. Solzhenicyn A. I. Otvetnoe slovo na prisuzhdenie literaturnoj nagrody Amerikan-skogo nacional'nogo kluba iskusstv // Novyj mir, 1993, № 4, pp. 3–6.
14. Solzhenicyn A. I. Pis'mo IV Vsesojuznomu sezdu Sojuza sovetskih pisatelej // Solzhenicyn A.I. Sobranie sochinenij: in 9 vol. Vol. 7, pp. 63–67.
15. Solzhenicyn A. I. Publicistika: in 3 vol. Jaroslavl', Verhnjaja Volga, 1995–1997, vol. 3, p. 384.
16. Solzhenicyn A. Ugodilo zjornyshko promezh dvuh zhernovov. Oчерки izgnanija // Novyj mir, 1998, № 11.
17. Socrealisticheskij kanon / ed. H. Gjunter, E. Dobrenko. St-Petersburg, Akademicheskij proekt, 2000, 1040 p.
18. Cymbalistenko N.V. Postmodernizm v literature russkogo zarubezh'ja «tret'ej volny» jemigracii // Jejhenbaumovskie chtenija. Voronezh, 1996, pp. 63–65.
19. Shohina V. «Odin den' Ivana Denisovicha»: politika i jestetika // Peremeny. Tolstij veb-zhurnal. Available at: <http://www.peremeny.ru/blog/13119>.
20. Jepshtejn M. Istoki i smysl russkogo postmodernizma // Zvezda, 1996, № 8, pp. 166–188.
21. Jepshtejn M. Paradoksy novizny. O literaturnom razvitii XIX–XX vekov. Moscow, Sovetskij pisatel', 1988, 416 p.
22. Jepshtejn M. Postmodern v Rossii: literatura i teorija. Moscow, LIA R. Jelinina, 2000, 367 p.

**ПОСТМОДЕРНИСТСКОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА
(на примере романа «Парфюмер»)**

Гасьмова Салима Джабраил гызы, кандидат филологических наук, Бакинский славянский университет, 370114, Азербайджан, г. Баку, ул. С. Рустама, 25, e-mail: sali13@list.ru.

В статье рассматривается постмодернистское мировосприятие Патрика Зюскинда. Литературоведческому анализу подвергается всемирно известный роман писателя «Парфюмер». В данном романе немецкого писателя наблюдается синтез теории «магического реализма» с постмодернизмом, что обнаруживает себя прежде всего в интертекстуальности. Роман трактуется с нескольких точек зрения.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, интертекстуальность, Патрик Зюскинд, французский постмодернизм